

Человек: преступление и наказание. Научный журнал. №1, 2010.

Эго-психология осужденных с рецидивной преступностью.

Б.Г. Бовин, А.В. Кокурин, В.Ф. Трубецкой

Введение

В настоящее время для исследования личности широко используется современная русскоязычная версия Я-структурного теста¹, основанная на принципах динамической психиатрии и позволяющая целостно описать структуру личности.

Динамическая психиатрия, автором которой является Гюнтер Аммон, стремится интегрировать различные аспекты сущности человека, разрабатывая положения о закономерностях развития человеческой личности, структуре и динамике психической деятельности, психического здоровья, причинах и механизмах его нарушений.

Г. Аммон понимает личность как сложное многоуровневое структурное образование², включающее в себя:

- первичные органические структуры, которые охватывают нейрофизиологические и биологические функции человека;
- центральные бессознательные функции, такие как агрессия, страх, границы Я, нарциссизм, сексуальность;
- вторичные сознательные функции, которые определяют переживания, психические качества и свойства, способности, навыки и др.

Вторичные Я-функции представляют собой поведенческую реализацию центральных Я-функций, опосредованных первичными телесными органическими структурами (биологическими, соматическими, физиологическими, нейрофизиологическими).

Центральные Я-функции являются важнейшим структурным образованием, обеспечивающим характер межличностных взаимодействий индивида. Это своего рода «органы», призванные обеспечить индивидуальную психическую адаптацию в социуме. Эти центральные функции могут быть сформированы «нормально», «патологически» или с «задержкой» в своем развитии. Решающим является характер взаимодействия, как в первичной группе (родительская семья), так и в динамическом жизненном поле.

В свою очередь уровень сформированности центральных Я-функций определяет особенности последующих межличностных взаимодействий. Эти межличностные отношения могут способствовать:

- позитивному расширению возможностей личности, ее интеграции, оптимальной адаптации к среде, т.е. иметь конструктивный характер;
- или способствовать деформации личностной структуры, дезинтеграции и дезадаптации, т.е. носить деструктивный характер;

¹ Я-структурный тест Г. Аммона. Руководство. СПб: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2002. 48 с.

² Там же.

– или же, наконец, препятствовать становлению личности, блокировать дифференциацию психических функций, снижать динамичность межличностных взаимодействий – тем самым порождая функциональный интрапсихический дефицит.

Центральные Я-функции недоступны непосредственному самонаблюдению, т.к. находятся в области бессознательного. В Я-структурном тесте Г. Аммона оказалось возможным измерение бессознательного с помощью сознательного самоотчета. В тестовых утверждениях закладывается набор ситуаций, в которых более или менее однозначно проявляется бессознательное. Утверждения, по мнению разработчиков, представляют собой своеобразные проективные «ловушки» для бессознательных Я-функций.

С помощью теста Г. Аммона были обследованы осужденные мужчины, содержащиеся в исправительных учреждениях Нижегородской, Томской, Орловской, Владимирской, Оренбургской, Рязанской, Ленинградской областей и г. Санкт-Петербурга. Общее число обследованных составило 407 чел. Две трети имели от 2 до 5 судимостей, т.е. характеризовались как осужденные с рецидивной преступностью. Примерно в 10 регионах было протестировано 389 сотрудников охранных подразделений уголовно-исполнительной системы, которые рассматривались как контрольная группа. В сравнительном анализе использовались также данные по нормативной выборке 1000 чел., предоставленные разработчиками русскоязычной версии теста. В таблице представлены результаты проведенного тестирования.

Таблица

Результаты измерений центральных Я-функций осужденных и сотрудников охраны с помощью Я-структурного теста Г. Аммона (JSTA)
(μ – среднее значение, σ - стандартное отклонение)

Шкалы теста	Осужденные – 407 ч.		Сотрудники – 389 ч.		Нормативная выборка – 1000 ч.		Достоверность различий между осужденными и охраной. Разница средних
	μ	σ	μ	σ	μ	σ	
<u>Агрессия</u>							
Конструктивная	9,0	2,31	9,21	2,30	9,58	2,22	Не значима $p < 0,001$
Деструктивная	6,27	3,30	3,73	3,0	4,29	3,0	
Дефицитарная	5,58	2,44	2,73	1,95	3,89	2,06	
<u>Тревога-страх</u>							
Конструктивная	7,81	2,20	7,81	2,13	7,78	3,21	Не значима $p < 0,001$
Деструктивная	2,80	3,22	0,88	2,04	8,28	2,21	
Дефицитарная	5,50	2,80	2,90	2,11	1,62	1,98	
<u>Внешнее Я-отграничение</u>							
Конструктивное	8,15	1,75	8,95	1,48	8,59	2,23	$p < 0,01$ $p < 0,001$ $p < 0,001$
Деструктивное	5,58	2,44	3,24	1,89	4,16	1,65	
Дефицитарное	5,14	2,65	2,44	2,95	3,54	2,23	

<u>Внутреннее Я-отпращивание</u>							
Конструктивное	9,29	2,11	10,31	1,43	9,83	2,06	p<0,01
Деструктивное	4,93	2,48	3,71	2,13	3,72	1,65	p<0,001
Дефицитарное	6,08	2,74	2,65	2,66	4,77	2,49	p<0,001
<u>Нарциссизм</u>							
Конструктивный	8,33	2,29	7,93	2,54	8,86	2,08	p<0,01
Деструктивный	5,25	2,66	2,41	2,94	3,47	1,98	p<0,001
Дефицитарный	4,67	3,22	2,06	2,46	2,48	2,03	p<0,001
<u>Сексуальность</u>							
Конструктивная	8,57	2,30	9,59	1,95	8,53	2,86	Не значима
Деструктивная	5,93	3,31	4,33	3,36	4,33	2,58	p<0,001
Дефицитарная	2,88	2,81	1,17	1,85	2,97	2,14	p<0,001

1. Агрессия

Различия в средних значениях конструктивной агрессии у сотрудников охраны и осужденных статистически не значимы, хотя на статистически значимом уровне он меньше, чем уровень конструктивной агрессии нормальной выборки в 1000 человек, на которой разрабатывались нормы русскоязычного варианта Я-структурного опросника. Конструктивная агрессия, по мнению авторов теста¹, понимается как активный деятельный подход к жизни, возможность устанавливать продуктивные межличностные контакты и поддерживать их несмотря на определенные противоречия, способность формировать свои собственные жизненные цели и реализовывать их даже в неблагоприятных условиях, иметь и отстаивать свои идеи, мнения, точки зрения. Конструктивная агрессия связана с возможностью открыто проявлять свои эмоциональные переживания, являясь предпосылкой собственного развития и обучения. Для лиц с высоким показателем конструктивной агрессии характерны активность, коммуникабельность, конструктивное преодоление трудностей, безболезненное отстаивание собственных целей и интересов и в то же время способность к компромиссу без ущерба для собственной идентичности.

Среди сотрудников охраны 47% имеют уровень конструктивной агрессии выше среднего значения, из них одна треть – очень высокий уровень шкалы. Среди осужденных 53% имеют шкалу конструктивной агрессии выше среднего значения, из них также примерно одна треть – с высокими показателями конструктивной агрессии. Отсутствие существенных различий между сотрудниками охраны и осужденными по уровню конструктивной агрессии свидетельствует лишь о сходности общего созидательного механизма активности у тех и других, но ничего не говорит о направленности этой активности. У сотрудников охраны направленность на выполнение социально ответственной и социально одобряемой функции

¹ Цит. по Руководству Я-структурный тест Г. Аммона. СПб 2002 г.

защиты общества, у осужденных – криминальная направленность поведения, также требующая активности, инициативности, коммуникабельности, преодоления трудностей и конструктивного межличностного взаимодействия, особенно если это связано с групповой преступной деятельностью.

Рассмотрим уровень деструктивной агрессии. Здесь уже разница средних значений шкалы имеет высокий уровень значимости ($p < 0,001$), причем выраженность деструктивной агрессии у осужденных (6,27 балла) значительно выше, чем у сотрудников (3,73 балла). В нормативной выборке – 4,29 балла, т.е. деструктивная агрессия у сотрудников охраны даже ниже, чем в общей популяции.

Деструктивная агрессия представляет собой определенную деформацию нормальной способности к деятельному, активному взаимодействию с окружающим миром, людьми, предметами. Она проявляется в деструктивных поступках вплоть до неожиданных порывов насилия, вербального выражения гнева, разрушительными действиями или фантазиями, стремлением к силовому решению проблем, склонностью к обесцениванию других людей и межличностных отношений, мстительности и цинизму. По сравнению с нормативной выборкой 73% осужденных имеют значение шкалы выше среднего уровня и значительная часть из них – высокий уровень деструктивной агрессии. У сотрудников охраны соответственно 38% (выше среднего) и незначительная часть – высокий уровень деструктивной агрессии. Между шкалами конструктивной и деструктивной агрессии, по данным разработчиков теста, нет значимых корреляций, следовательно, осужденные наряду с высоким уровнем конструктивной агрессии имеют и выраженную деструктивную агрессивность. Эта противоречивость между уровнем конструктивности и деструктивности является следствием некоторой раздвоенности поведения осужденных – конструктивность в подготовке преступления и деструктивность в осуществлении преступления или при задержании.

У сотрудников охраны отсутствует подобная противоречивость поведения. Значительное большинство из них характеризуется выраженной конструктивной агрессией и низким уровнем деструктивной.

Дефицитарная агрессия также значительной степени выражена у осужденных по сравнению с сотрудниками охраны. Разница средних значений также значима на самом высоком уровне ($p < 0,001$). Дефицитарность агрессии не характерна для сотрудников охраны (2,73 балла). Среднее значение шкалы значительно ниже, даже по сравнению с нормативной группой (3,89 балла). У осужденных, наоборот, отмечается высокая дефицитарность агрессии (5,58 балла).

В поведении дефицитарность агрессии проявляется в неспособности установлении тесных человеческих отношений, сужении круга интересов, избегании ответственности и принятия решения. При выраженной дефицитарности затруднено открытое проявление своих эмоций, чувств,

переживаний. Недостаток активности субъективно компенсируется фантазиями, несбыточными планами и мечтами. На передний план выступают чувство собственного бессилия, некомпетенции и ненужности, ощущение пустоты, одиночества, бесперспективности существования и непреодолимости жизненных трудностей.

Высокий уровень дефицитарности агрессии у осужденных в значительной мере связан с пребыванием в местах лишения свободы, где блокируется проявление деструктивной агрессивности и отсутствуют условия для проявления потенциально высокой конструктивной агрессии. В этой связи одной из задач исправительного воздействия на осужденных является трансформация конструктивной агрессивности, изначально имеющей криминальную направленность, в социально направленную конструктивную агрессивность, способствующую активной ресоциализации осужденного.

2. Тревога-страх.

Конструктивная тревога понимается как способность личности выдерживать переживания, связанные с тревогой и использовать тревогу для решения адаптационных задач, т.е. действовать в реальном мире, прогнозируя его действительные опасности и случайности. Конструктивная тревога предполагает способность дифференцировать реальные угрозы и необоснованные опасения и страхи. Она выступает в роли мобилизующего механизма, согласующего уровень внутренней активности с реальной сложностью ситуации, и является тормозящим фактором, предупреждающим о вероятной невозможности совладания с наличными трудностями. Высокие показатели конструктивной тревоги свидетельствуют о способности трезво оценивать опасности реальной жизни, пересиливать страх при реализации жизненно-значимых задач, целей, планов. В экстремальных ситуациях лица с конструктивной тревогой способны принимать обоснованные и взвешенные решения, обладают достаточной толерантностью тревожным переживаниям. Тревога у этих лиц способствует повышению продуктивности и эффективности деятельности.

Уровень конструктивной тревоги у сотрудников охраны и осужденных не имеет значимых различий по средним значениям шкалы и также совпадает со средним значением нормативной выборки. Соответственно 7,81 – 7,81 – 7,78 балла. Однако, если сравнивать уровни деструктивной тревоги, у сотрудников, осужденных и в нормативной выборке, то здесь отмечаются явные различия. Уровень деструктивной тревоги самый низкий у сотрудников охраны (0,88), значимо отличающийся от уровня деструктивной тревоги осужденных (2,8), а уровень деструктивной тревоги в нормативной выборке равен 8,28. Этот уровень считается нормой. Возможно, столь высокий уровень деструктивной тревоги в нормативной выборке законопослушных связан с психологическими последствиями так называемой криминальной революции, когда в значительной мере была

напряжена одна из базовых потребностей – потребность в безопасности и социальная жизнь превратилась в существование, где «все боятся всех». В поведении деструктивный страх проявляется чаще всего неадекватной переоценкой реальных угроз, трудностей и проблем, плохо организованной активностью в ситуации опасности, вплоть до панических проявлений, боязнью установления новых контактов и близких доверительных отношений; страхом перед авторитетами, боязнью неожиданностей. Деструктивный страх обнаруживает себя в навязчивостях, «свободно плавающей» тревоге или различных фобиях. Для лиц с высокими показателями по шкале деструктивного страха характерны повышенная тревожность, склонность к волнениям по незначительным поводам, ощущение недостаточного контроля над ситуацией, нерешительность, робость, стеснительность. Они испытывают серьезные трудности в самореализации, переполнены опасениями относительно своего будущего, не способны по-настоящему доверять ни себе, ни окружающим людям. Выраженность подобных переживаний в значительной мере характерна для нормативной выборки и совершенно не характерна ни для осужденных, ни для сотрудников, которые имеют самые низкие показатели по описываемой шкале. Кроме того, для сотрудников охраны также характерны низкие значения шкалы дефицитного страха (2,9 балла), близкие к значениям этой шкалы в нормативной выборке (1,62 балла), хотя и имеется статистически значимое различие на уровне $p < 0,001$, но оба этих значения резко отличаются от уровня дефицитного страха у осужденных, равного 5,5 балла. Эта шкала позволяет оценить уровень функционального дефицита тревоги. Дефицитарный страх понимается как значительное недоразвитие Я-функции тревоги. В отличие от деструктивного страха, в основном связанного с утратой регулятивной составляющей тревоги, при дефицитарном состоянии Я-функции страха страдает не только регуляторный, но и экзистенциально важный сигнальный компонент тревоги.

В поведении дефицитарный страх проявляется в неспособности почувствовать страх вообще. Это выражается в том, что объективная опасность полностью игнорируется, т.е. не воспринимается сознанием как реальность. Отсутствующий страх проявляется в ощущениях усталости, скуки и пустоты. Неосознаваемый дефицит страха обнаруживает себя в выраженном стремлении к поиску экстремальных ситуаций, позволяющих ощутить реальную жизнь с ее эмоциональной насыщенностью. Для осужденных, имеющих, как правило, высокие показатели по шкале дефицитарного страха, характерно отсутствие тревоги, как в обычных, так и в опасных ситуациях, склонность к рискованным поступкам, игнорирующим вероятностных последствий, выраженная тенденция к эмоциональному обесцениванию важных событий и отношений. Они не испытывают трудностей в межличностных контактах, но эти отношения не имеют эмоциональной глубины, им недоступно истинное сочувствие и сопереживание. При значительной выраженности по шкале дефицитарного

страха очень вероятно наличие заместительной склонности к употреблению алкоголя, психотропных веществ или наркотиков.

Следует заметить, что корреляционный анализ нормативной выборки (1000 чел.) не обнаружил значимых корреляций между шкалами конструктивной и дефицитарной тревоги-страха, т.е. в значительной мере эти шкалы при высоких значениях конструктивной тревоги отмечают низкие значения шкалы деструктивной и дефицитарной тревоги, что является логичным и не противоречивым результатом. В отношении осужденных необходимо другое соотношение. У них при нормально выраженной конструктивной и низкого уровня деструктивной тревоги, наблюдается парадоксальное сверхвысокое значение дефицитарной тревоги-страха. Это противоречивое соотношение шкал у осужденных может отражать противоречивость конструктивных и дефицитарных элементов структуры личности осужденных, в которой наблюдается явное преобладание дефицитарности. Подобной противоречивости в соотношении рассматриваемых шкал не отмечено ни у сотрудников охраны, ни в нормативной выборке.

3. Границы «Я»

Г. Аммон рассматривает «Я» как осознаваемое отождествление индивидуумом себя в качестве субъекта своих мыслей, эмоций, чувств, действий, сохраняющего внутреннее психологическое тождество настоящего, прошлого, будущего. В этой связи актуализируется вопрос о границах «Я» и необходимость разграничения «Я» и «НЕ-Я». Здесь важны два аспекта отношений; первое – Я и внешнее окружение, и второе – Я и внутреннее психическое. Я-граница мыслилась как процесс разделения различных психических содержаний, в котором «Я» рассматривалось как инструмент для разрешения противоречий между сознанием и бессознательным, индивидом и внешней реальностью, инстинктом и моральным требованием социума. Подвижность границ «Я» создает либо предпосылки для формирования бесконфликтной, относительно свободной от прессинга инстинктов, а также внешней реальности (расширение границ «Я»), либо препятствует развитию человеческой психической интеграции (сужение границ «Я»). Рассматривается два вида Я-отграничения: внешнее Я-отграничение, т.е. выстраивание «Я» гибкой коммуницирующей границы с окружающим миром и людьми и внутреннее Я-отграничение, т.е. коммуницирующий барьер, отделяющий и в то же время связывающий сознающее «Я» с неосознаваемыми чувствами, инстинктивными побуждениями, эмоциональными состояниями, образами, отношениями и др. элементами бессознательного.

3.1. Шкалы внешнего Я-отграничения

Соотношение шкал конструктивного Я-отграничения у осужденных (8,15), сотрудников охраны (8,95) и в нормальной выборке (8,59) таково, что различие средних значений между осужденными и сотрудниками, хотя статистически значимы и сотрудниками, хотя статистически значимо, но не слишком велико ($d=0,8$ баллов), т.е. конструктивная составляющая внешней границы имеет примерно равный уровень.

Высокие оценки шкалы отражают хорошую интегрированность внутреннего опыта, достаточную способность к постановке собственных целей и задач, возможность рациональной организации своего времени, выбор адекватной стратегии поведения.

Значительные различия наблюдаются при сравнении средних значений деструктивной шкалы внешней границы у осужденных (5,58 баллов), сотрудников охраны (3,24 баллов) и в нормативной выборке (4,16 баллов). Осужденные и сотрудники на значимом уровне ($p<0,001$) отличаются от нормативной выборки, причем деструктивность у осужденных выше, а у сотрудников ниже, чем в нормативной выборке.

Под деструктивным внешним ограничением понимается расстройство регуляции отношений личности с действительностью, т.е. взаимодействие с окружающими людьми и событиями внешнего мира. Деструктивность выражается в «выстраивании барьера», препятствующего конструктивной коммуникации.

Для лиц с высокими показателями деструктивной внешней границы-Я характерно жесткое эмоциональное дистанцирование, неумение гибко регулировать межличностные отношения, аффективная закрытость, безучастность к проблемам и потребностям других людей.

Для сотрудников охраны деструктивность внешней границы-Я не характерна и высокие значения шкалы встречаются реже, чем даже в нормативной выборке.

Примерно такое же соотношение средних значений наблюдается и по шкале дефицитарной шкалы внешнего Я-отграничения у осужденных (5,14 балла), сотрудников (2,44 балла) и в нормативной выборке (3,54 балла).

Дефицитарность понимается как недостаточность внешней границы Я и отражает нарушение процесса регуляции отношений личности с внешним миром. Только речь здесь идет не о «жесткой» закрытости, а о сверхпроницаемости этой границы. В поведении дефицитарность (неразвитость) внешней границы проявляется неспособностью устанавливать и контролировать межличностную дистанцию, чрезмерной зависимостью от требований, установок и норм окружающих, отсутствием возможности рефлексировать собственные интересы и потребности, «неспособности говорить НЕТ». Подобная дефицитарность характерна для «тюремной субкультуры», подчиненной групповым нормам поведения, жестко ориентированных на криминальные ценности. В рамках этих жестких норм осужденный уже не может отстаивать свои собственные цели, отделять свои чувства и переживания от переживаний других. Как правило, происходит

идентификация собственной личности с групповыми интересами и потребностями и отсутствует способности формировать свою точку зрения, отличную от других. У них проявляется склонность к симбиотическому слиянию, а не к равноправным зрелым отношениям, в связи с чем осужденные испытывают значительные трудности в ситуациях необходимости прерывания контактов со средой. При выходе из исправительного учреждения они вновь стремятся к такому же слиянию с криминальной средой на свободе.

В этом заключается одна из основных трудностей исправления осужденных с рецидивной преступностью, с невозможностью разрыва этого симбиотического слияния, когда в групповых криминальных интересах, растворяется индивидуальное и теряется способность принимать решения. Лица с рецидивной преступностью представляют собой несамостоятельных личностей, ищущих в криминальной среде постоянную поддержку, одобрение, защиту и признание. В отрыве от криминальной субкультуры они оказываются беспомощными и незащищенными. Этому способствует и отмеченное ранее высокое деструктивное внешнее Я-отграничение, выстраивающее «жесткую» границу, но только по отношению к другой, законопослушной среде и социально позитивному миру людей. Можно сказать, что для осужденных характерна выраженная противоречивая раздвоенность отношения к внешней границе: «жесткий барьер» к законопослушному миру и сверхпроницаемость внешней границы Я по отношению к воздействию криминальной субкультуры.

Подобной противоречивости не наблюдается у сотрудников охраны, а также в нормативной выборке, в которой отмечаются низкие значения как деструктивной, так и дефицитной внешней границы «Я» при выраженной конструктивности внешнего Я-отграничения.

3.2. Шкалы внутреннего Я-отграничения.

Как уже отмечалось, внутренняя граница отделяет и в то же время связывает сознающее Я с неосознаваемыми чувствами, побуждениями, эмоциональными состояниями, комплексами и другими элементами бессознательного.

Конструктивная внутренняя граница определяется успешной защитой Я от подавляющей неизбежности внутренних побуждений и в то же время представленности и осознанности последних в целостной психической жизни личности. Для интегрированной идентичности важно, чтобы бессознательное могло сообщать о себе, не нарушая при этом актуального взаимодействия с реальным миром.

Средние значения конструктивной шкалы осужденных (9,29 балла), сотрудников (10,31б) и нормальной группы (9,38 б) различаются на значимом уровне ($p < 0,01$), причем самые высокие значения конструктивной шкалы внутренней границы Я у сотрудников охраны, затем идут средние значения

шкалы в законопослушной нормативной выборке, и самые низкие – у выборки осужденных.

Для лиц с высокими показателями конструктивной шкалы характерны хорошая способность различать внешнее и внутреннее, дифференцированность внутренних переживаний, телесных ощущений и собственной активности, способность использовать возможности эмоционального постижения действительности (эмоциональный интеллект), а также интуитивных решений. Им характерны способность к психической концентрации, высокая общая упорядоченность психической деятельности. Следовательно, у сотрудников охраны перечисленные способности, связанные с функционированием внутренней границы Я выражены в большей мере, по сравнению с нормативной выборкой и группой осужденных.

При низких показателях конструктивной шкалы отмечается рассогласованность эмоционального опыта, дисбаланс внутреннего и внешнего, мыслей и чувств, эмоций и действий. Функциональная недостаточность внутренней границы, в зависимости от выраженности окружения, проявляется либо в нарушении взаимодействия «Я» с неосознаваемыми процессами, которое отражает либо «жесткое» подавление бессознательного, либо отсутствие достаточного интрапсихического барьера по отношению к бессознательному.

Среднее значение шкалы деструктивного внутреннего Я-отграничения у сотрудников охраны (3,71 б) и в нормативной группе (3,72 б) не имеет статистически значимых различий. Тогда как у осужденных наблюдается явная выраженность деструктивной шкалы, которая значимо отличается от нормы (4,93 при $p < 0,001$).

Деструктивная внутренняя граница понимается как наличие ригидно фиксированного «барьера», отделяющего Я, т.е. центр осознаваемых переживаний, от остальных интрапсихических структур.

В поведении деструктивное внутреннее Я проявляется дисбалансом мыслей и чувств, эмоций и действий, жесткой ориентацией на рационализм, не допускающий интуитивных и эмоциональных решений, неспособностью к фантазии и мечтам, обеднение эмоциональных переживаний, низкой чувствительностью к жизненным потребностям организма (сон, жажда, голод, усталость и др.), ригидностью психологической защиты, в основном использующей механизма проекции.

Выраженность деструктивной внутренней границы Я у осужденных свидетельствует о невозможности адекватно воспринимать собственные чувства и потребности, что делает этих людей нечувствительными к эмоциям и потребностям других и часто реальный мир осужденных заменяется совокупностью собственных проекций.

Дефицитарная шкала внутренней границы «Я» осужденных (6,08 б) также значительно превосходит средние значения нормальной выборки (4,77 б) и в еще большей степени выше значения этой шкалы у сотрудников

охраны (2,65 б). Дефицитарность Я-отграничения от внутренних бессознательных побуждений понимается как недостаточная сформированность внутренней границы «Я». Эта граница знаменует собой возможность формирования подлинно автономного Я, поэтому недостаточность внутренней границы у осужденных представляет собой недоразвитие личностных структур. В отличие от деструктивной шкалы внутренней границы «Я», когда, все же, формируется хотя бы ложная идентичность, при выраженной функциональной недостаточности внутренней границы блокируется развитие какой бы то ни было идентичности. Результаты измерения внутренней границы «Я» у осужденных снова нам демонстрируют парадоксальную положительную корреляцию между деструктивной и дефицитарной шкалами внутреннего Я-отграничения. С одной стороны выраженность деструктивности, т.е. наличие жесткой границы «Я» по отношению к бессознательным побуждениям, с другой – функциональная недостаточность внутренней границы способствующая «переполненности» сознающего Я разрозненными чувствами, образами, мыслями. Все это может приводить к крайней непоследовательности в интерперсональных отношениях, неспособности к достаточной концентрации усилий, дезорганизованности и дезинтегрированности.

Объяснением этой противоречивости может быть тот факт, что излишне рационализированное сознание (жесткий «барьер» побуждениям) комплементируется чрезмерно иррациональным бессознательным, которое, прорываясь через границу чрезмерного внутреннего Я-отграничения, очень часто проявляется в неуместных действиях, нелепых поступках, нечаянных травмах, несчастных случаях. Эта противоречивая двойственность осознается и отражается в высоких значениях как деструктивной, так и дефицитарной внутренней границы Я, коэффициент положительной корреляции между которыми равен 0,262 при $p < 0,01$.

В нормативной выборке и у сотрудников охраны не наблюдается подобной противоречивости. При выраженной конструктивной внутренней границе «Я», отмечаются низкие значения деструктивной и дефицитарных шкал.

4. Нарциссизм.

Г. Аммон¹, в отличие от других концепций нарциссизма, рассматривает его как изначальный потенциал развития индивида, на основе которого происходит формирование других центральных Я-функций. Формирование нарциссизма рассматривается как необходимый этап личностного развития, поэтому функционально нарциссизм выполняет конструктивную роль, обеспечивая обособление Я и внешнего мира. В процессе развития возможна

¹ Цит. По Руководству. Я-структурный тест Аммона. СПб: Психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 2002, 48 с.

деформация этой функции и нарциссическая организация приобретает деструктивные черты, т.е. нарциссизм становится дезадаптирующим по отношению к развивающемуся «Я».

Конструктивный нарциссизм понимается как позитивное представление индивида о самом себе, базирующееся на ощущении собственной значимости и опирающееся на положительный опыт межличностных контактов. Эти представления проявляются как позитивное отношение к себе, к собственным действиям, чувствам, мыслям, телесной организации, сексуальным переживаниям. Такое целостное реалистическое принятие себя в самых различных своих проявлениях позволяет свободно отдавать себя во власть чужих оценок не пытаясь искусственно формировать положительное представление о себе и тщательно прикрывать собственные слабости. Конструктивный нарциссизм означает заметное сближение «Я для себя» и «Я для других».

В норме конструктивный нарциссизм имеет среднее значение 8,86 баллов. У сотрудников охраны (7,93б) и осужденных (8,33б) среднее значение хотя и ниже нормы на значимом уровне, однако различие средних не столь велико, чтобы делать какие-либо серьезные выводы. Можно лишь отметить, что по сравнению с нормой, у сотрудников охраны несколько ниже самооценка, закрытость в межличностном общении, более узок круг интересов, более высокая реакция на недоброжелательные оценки своей личности.

Существенные различия наблюдаются по шкале деструктивного нарциссизма у сотрудников охраны (2,41б), осужденных (5,25б) и в нормативной выборке (3,47б). У сотрудников охраны ниже уровень деструктивного нарциссизма по сравнению с нормой и еще более отличается от явно выраженной деструктивности нарциссизма у осужденных (достоверность различий при $p < 0,001$).

Деструктивный нарциссизм понимается, как неспособность индивида реалистически воспринимать и оценивать себя. В этом случае нарциссизм «соткан» из обид, агрессивных чувств, предубеждений. Предрассудков, отказов, запретов, разочарований и фрустраций. Важнейшей особенностью деструктивного нарциссизма является нестабильность отношения к себе, проявляющаяся в переоценке или недооценке себя, при этом размах колебаний определяется либо фантазиями величия, либо идеями собственной ничтожности.

Средние значения по шкале дефицитарного нарциссизма в определенной мере имеют подобное соотношение, характерное для предыдущей деструктивной шкалы – у сотрудников охраны (2,06 б), осужденных (4,67 б) и в нормальной выборке (2,48 б). Наиболее низкое значение дефицитарности отмечается у сотрудников охраны УИС и наиболее высокое у осужденного. По сравнению с деструктивным нарциссизмом речь идет о более глубоком нарушении центральной Я-функции, ведущем к полной неспособности воспринимать неповторимость и единственность

собственного существования. Высокие оценки по данной шкале у осужденных характеризуют неуверенных в себе, своих возможностях и компетенции, прячущихся от полноценной жизни, неспособных к полноценным человеческим контактам людей, с бедностью эмоциональных переживаний, общий фон которых – безрадостность, пустота, скука и забытость.

Для них характерно неосознанное стремление раствориться в криминальной среде, укрыв себя от трудностей реальной жизни, личной ответственности и собственной идентичности.

5. Сексуальность.

Структурная концепция личности Г. Аммона рассматривает сексуальность, как одну из центральных функций Я. Взрослая конструктивная сексуальность рассматривается как погружение в симбиоз партнерских отношений и способность устанавливать живой контакт на телесном, эмоциональном и нравственном уровнях. Важным является ответ на вопрос как сексуальность интегрирована в целостной Я-идентичности.

Развитие сексуальности может быть нарушено или остановлено и сексуальность может приобретать черты деструктивной активности или психического дефицита. В обоих случаях изменяется значение сексуальности, и она начинает выступать в качестве фактора, удовлетворяющего лишь парциальным целям Я-адаптации, препятствуя развитию или реализации Я-идентичности.

Конструктивная сексуальность понимается, как сугубо человеческая возможность получать взаимное удовольствие от физического, телесного и духовного взаимодействия, которое переживается как свободное от страхов и чувства вины, зрелое соединение личностей. Такое единение не отягощено никакими ролевыми фиксациями, социальными обязанностями или стремлениями. Кроме того, это единение не детерминировано исключительно биологическими потребностями. Его единственно самодостаточная цель – безусловное телесное, эмоциональное и духовное слияние, доставляющее радость взаимного обогащения.

Шкала конструктивной сексуальности в нормативной выборке равна 8,53 балла, у осужденных шкала не имеет статистически значимых различий с нормой (8,57 б). Сотрудники охраны имеют более выраженную конструктивную сексуальность, чем в нормативной выборке (9,59 б). Возможно, это связано с возрастными различиями, поскольку сотрудники представляют собой значительно более молодой контингент, чем нормативная выборка и выборка осужденных.

Значительное различие отмечается при сравнении шкалы деструктивной сексуальности. Если нет различий между средними значениями шкалы у сотрудников (4,33 б) и нормативной выборке (4,33 б), то

у осужденных явная выраженность деструкции в сексуальной сфере (5, 93). Достоверность разницы средних на 0,1% уровне.

Деструктивная сексуальность представляет собой деформацию развития функции сексуальности, проявляющуюся в нарушении процесса интеграции сексуальной активности в целостном поведении личности. Сексуальность оказывается отщепленной от Я-идентичности и преследует автономные цели, например, актуализированное желание только сексуального удовлетворения, связанного с возбуждением эрогенных зон, либо потребность в признании и восхищении, желание доказать свое сексуальное превосходство. В этом случае сексуальность превращается из средства углубления общения, достижения близости, доверительности и интимности в средство избегания подлинного человеческого контакта. Место партнерского симбиоза, единения чувств, мыслей и переживаний занимает эгоистическая отгороженность, направленная только на собственное сексуальное удовлетворение. Чувства, переживаемые другим, игнорируются и не направляются на открытие партнера, признание его уникальности и неповторимости, что часто приводит к оскорблению достоинства другого физически, эмоционально или нравственно. При деструктивной сексуальности отношения с партнером носят характер безличности, отчужденности и ретроспективно воспринимаются как негативные и травмирующие. К крайним проявлениям деструкции в сексуальном поведении относятся сексуальные перверсии: сексуальное насилие, садомазохизм, эксгибиционизм, вуаеризм, фетишизм, педофилия, геронтофилия, некрофилия, садомия и другие формы сексуальной деструктивности, характерные для определенной категории преступников.

Дефицитарная сексуальность понимается как задержанная в своем развитии Я-функция сексуальности. Сексуальность не воспринимается как необходимый компонент человеческого общения, в результате межличностные отношения становятся поверхностными и не достигают какой-либо глубины.

В поведении дефицитарная сексуальность выражается снижением сексуальных желаний, внутренним запретом на сексуальную активность, отсутствием эротических фантазий, боязнью сексуальных контактов, наличием большого количества предрассудков. Часто дефицитарная сексуальность сопровождает импотенцию у мужчин и фригидность у женщин.

Средние значения дефицитарной сексуальности у осужденных (2,88 б) статистически не отличаются от значения шкалы в нормативной выборке (2,97 б). что может свидетельствовать об отсутствии задержки в развитии Я-функции сексуальности у этой категории обследуемых, т.е. можно констатировать нормально выраженную сексуальную потребность. У сотрудников охраны также можно отметить почти полное отсутствие дефицитарности в развитии сексуальности.

В заключение можно представить обобщенную характеристику центральных Я-функций осужденного, являющихся важнейшим структурным образованием личности, обеспечивающим ее межличностные взаимодействия и индивидуальную психологическую адаптацию в социуме.

Большинство осужденных с повторной преступностью характеризуются конструктивной агрессивностью, проявляющейся в активности, инициативности, коммуникативности, продуманности, преодолении трудностей, конструктивного межличностного взаимодействия. Только в отличие от сотрудников охраны, выполняющих социальную функцию защиты общества, у осужденных криминально направленная конструкция агрессивности, в конечном счете, представляющая собой деформацию нормальной способности к деятельному, активному взаимодействию с окружающим миром и проявляется в деструктивных поступках, насилии, разрушительным действиям, склонностью к обесцениванию других людей и отношений, мстительностью и цинизму. В конце криминальной карьеры это может превращаться в дефицитарную агрессивность, характеризующуюся сужением круга интересов, неспособностью установления теплых человеческих отношений, избеганием ответственности, уплощенностью эмоций, чувств, переживаний. Недостаток активности компенсируется фантазиями, несбыточными мечтами. На передний план выступает чувство собственного бессилия, некомпетенции и ненужности, ощущение пустоты, одиночества и бесперспективности существования.

Для осужденных характерно недоразвитие Я-функции тревоги-страха. При дефиците этой функции страдает наиболее важный сигнальный компонент тревоги. В поведении дефицит тревоги проявляется в неспособности почувствовать страх вообще. Это ведет к тому, что объективная опасность полностью игнорируется и не воспринимается как реальность. Отсутствие страха ведет к ощущению усталости, скуки, пустоты. Неосознаваемый дефицит переживаний страха обнаруживает себя в выраженном стремлении к поиску экстремальных ситуаций, позволяющих ощутить реальную жизнь. Для осужденных характерно отсутствие тревоги, как в обычных, так и в опасных ситуациях, что способствует совершению рискованных поступков, игнорированию вероятностных последствий. Для них характерно наличие заместительной склонности к употреблению алкоголя, психотропных веществ, наркотиков.

В отношении границ «Я» - Не «Я» осужденным характерно жесткое эмоциональное дистанцирование, неумение гибко регулировать межличностные отношения, аффективная закрытость, безучастность к проблемам и потребностям других людей. Но это жесткое выстраивание характерно лишь по отношению к законопослушной среде и социально-позитивному миру людей. По отношению же к криминальной субкультуре наблюдается наоборот сверхпроницаемость внешней границы. Эта дефицитарность границы проявляется чрезмерной зависимостью от

требований, установок и норм криминального сообщества, невозможностью отстаивать собственные интересы, потребности, цели, отделять свои чувства и переживания от переживаний других представителей тюремной субкультуры, при этом, характерна склонность к симбиотическому слиянию с этой культурой, когда в групповых криминальных интересах растворяется индивидуальное. Теряется способность к самостоятельному принятию решений. В отрыве от криминальной субкультуры они оказываются беспомощными и незащищенными.

Противоречивое сочетание «жесткости» и «сверхпроницаемости» внешней границы Я осужденных дополняется деструктивностью и дефицитарностью внутренней границы Я. Внутренне граница, как уже упоминалось, отделяет и в то же время связывает сознающее Я с неосознанными чувствами, побуждениями, эмоциональными состояниями, комплексами и другими элементами бессознательного. Деструкция внутренней границы у осужденных свидетельствует о невозможности адекватно воспринимать собственные чувства и потребности, что делает этих людей неуважительными к эмоциям и потребностям других и реальный мир окружающих замещается совокупностью собственных проекций. Деструкция проявляется дисбалансом мыслей и чувств, эмоций и действий, жесткой ориентацией на рационализм, обеднением эмоциональных переживаний и формированием ложной идентичности. Однако наличие жесткой границы Я по отношению к бессознательным побуждениям способствует «переполненности» сознающего Я разрозненными чувствами, образами, мыслями. Излишне рационализированное сознание комплементируется чрезмерно иррациональным бессознательным, которое, прорываясь через границу чрезмерного внутреннего Я-отграничения, очень часто проявляется в неуместных действиях, нелепых поступках, нечаянных травмах, несчастных случаях.

Осужденные характеризуются также деформацией такой важной функции для личностного развития, как нарциссизм. В норме нарциссизм понимается как позитивное представление индивида о самом себе, к собственным действиям, чувствам, мыслям, телесной организации, сексуальным переживаниям. Деструкция нарциссизма у осужденных проявляется, как неспособность индивида реалистически воспринимать и оценивать себя. В этом случае нарциссизм представляет собой совокупность обид, агрессивных чувств, предубеждений, предрассудков, отказов, запретов, разочарований и фрустраций. Он проявляется нестабильностью отношения к себе, недооценкой или переоценкой своей личности, при этом размах колебаний определяется либо фантазиями величия, либо идеями собственной ничтожности. Возможно и более глубокое нарушение центральной Я-функции нарциссизма, ведущее к полной неспособности воспринимать неповторимость и единственность собственного существования. Дефицит нарциссизма в этом случае характеризует неуверенных в себе личностей, прячущихся от полноценной жизни, неспособных к полноценным

человеческим контактам, с уплощенными эмоциональными переживаниями, общий фон которых – безрадостность, пустота, скука и забытость. Для них характерно неосознанное стремление раствориться в криминальной среде, укрыв себя от трудностей реальной жизни, личной ответственности и собственной идентичности.

Литература:

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия. – Санкт-Петербург, 1996. 197с.
2. Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2007. – 672 с.
3. Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология / Под ред. Академика РАМН Т.Б. Дмитриевой. – М.: ФГУ «ГНЦССП Росздрава». 2009 – Вып. 6. – 310 с.
4. Я-структурный тест Г. Аммона. Руководство. Вып. 18. СПб: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2002. 48 с.